Studia Culturae: Вып. 4 (30): Simposium: И.О. Щедрина. С. 108-112

И.О. ЩЕДРИНА

Аспирантка факультета философии
Государственный Академический Университет Гуманитарных Наук ГАУГН, Москва

ДОСТОИНСТВО АВТОБИОГРАФИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ОПЫТА О ЧЕЛОВЕКЕ» Э. КАССИРЕРА)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00587

В статье проводится мысль о том, что в современных философских и гуманитарных исследованиях на передний план выходит феномен автобиографии. Автор выявляет специфику автобиографического нарратива, опираясь на культурно-историческую эпистемологию. В качестве культурно-исторического контекста данного исследования выступает духовно-исторический опыт Э. Кассирера, представленный в его труде «Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры».

Ключевые слова: философия науки, культурно-историческая эпистемология, автобиография, нарратив, достоинство, Э. Кассирер

I.O. SHCHEDRINA

Postgraduate, Department of philosophy
State Academic University for Humanities, Moscow

THE SELF-INTEGRITY OF AUTOBIOGRAPHY (BASED ON «AN ESSAY ON MAN» OF E. CASSIRER)

The research was made with the financial support of RFH, project № 14-03-00587

The article presents the idea that in the modern philosophical and humanities researches a phenomenon of autobiography comes to the forefront. The author reveals the specificity of autobiographical narrative, based on culture-historical epistemology. As a cultural and historical context of this research acts the spiritual and historical experience of E. Cassirer – presented in his work «An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture».

Keywords: philosophy of science, culture-historical epistemology, autobiography, narrative, dignity, E. Cassirer

Поскольку в основу рассмотрения духовных движений
полагается жизненный путь отдельного человека,
всегда существует потребность в биографических
и эволюционно-исторических материалах.
…именно в биографии постигается
основной элемент всякой истории.

Вильгельм Дильтей

Ценность биографических материалов для гуманитарных исследований в области истории, филологии, психологии ни у кого не вызывает сомнений. При этом сегодня на передний план выходят особого рода тексты – автобиографические нарративы, поскольку они позволяют философам и ученым-гуманитариям увидеть через них «объективированное субъективное», человека, рассказывающего свою судьбу, вплетающего свою нить в ткань истории. Достоинство автобиографии как предмета исследования состоит в том, что это феномен многослойный: в нем можно отыскать описание и объективных исторических событий, и результатов самонаблюдений, и субъективных оценок, а можно увидеть между строк и то, о чем автор порой красноречиво умалчивает.

Действительно, философы XX и начала XXI вв. акцентируют внимание не на материи и не на духовности самих по себе, но на их отношении, зафиксировать которое (сделать его вещным, предметным) можно только через высказанное слово. Вот почему на острие современных философских и научных дискуссий оказывается нарратив (от лат. narrare – рассказ), через который исследователи пытаются проникнуть в тайны самосознания, памяти, истории, экзистенции. Автобиографический нарратив занимает сегодня особое место и в историко-научных исследованиях, ориентированных на анализ роли социокультурных факторов в научно-познавательной деятельности.

Но для меня в данном случае важно, что осмысление автобиографического нарратива как специфического ценностно-когнитивного феномена актуально еще и потому, что оно затрагивает важнейшие для человека вопросы, связанные с проблемой идентичности и самоидентификации. Самосознание человеческого Я – традиционная область психологических разработок, однако сегодня на передний план выходит когнитивная специфика само-осознания, требующая включения ее в область философских исследований. В данной статье я опираюсь на методы культурно-исторической эпистемологии [3] и анализирую автобиографический нарратив как эпистемологический феномен с одной стороны, и как ценностный – с другой. При этом исследование ограничивается рамками определенного культурного и исторического контекста, в качестве которого в данном случае выступает труд Э. Кассирера «Опыт о человеке. Введение в философию чело-

веческой культуры», где автобиография предстает знаково-символически нагруженным элементом человеческой культуры.

Кассирер затрагивает вопросы онтологического, гносеологического, психологического, а главное – культурного характера. Особенности мифа и искусства, языка и человеческой речи – все это объединено человеческим сознанием, которое, в свою очередь, неотделимо от символизма культурных форм. И в данном случае самосознание и самопознание, выражаемое в автобиографическом нарративе, выступает транслятором этих форм. Здесь можно сказать о двойственности самопознания: с одной стороны, «самопознание – пишет Кассирер – первая предпосылка самореализации: чтобы обрести подлинную свободу, мы должны разорвать цепь, связывающую нас с внешним миром» [2; С. 444]. Однако познание человеком самого себя (и дальнейшее облачение этого познания в нарративную форму) не рассматривается исключительно как теоретический интерес; напротив, оно необходимо для полноценного функционирования человеческого сознания. Не случайно формулу «Gnothi seauton» (Познай самого себя) порой относят даже не к Сократу, но ко времени семи мудрецов. Человек по природе своей обращен к самому себе, пропуская окружающий мир через призму собственного Я и наоборот. «Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [2; С. 471]. Эпистемологическая необходимость здесь переплетается с ценностными и культурными компонентами, которые, буквально, задают человеку вектор восприятия и понимания. Кассирер не случайно подчеркивает главное отличие человека от животного – оно состоит не в разуме даже (пусть это, несомненно, важно), а в символичности мышления. Эта символичность позволяет проложить еще один слой, некоторую дополнительную реальность, полностью зависящую от символической системы той или иной культуры. «Вместо того чтобы определять человека как animal rationale, мы должны, следовательно, определить его как animal symbolicum» [2; С. 472]. Именно на символичности мышления, и, следовательно – поведения, основывается человеческая культура. Все обладает именем и значением; онтос – это онтос в первую очередь названный и означенный. И этот символизм человеческого мышления, подпитываемый культурой, религией, искусством – универсален.

Но все же, когда до исследователей доходят только части той или иной культуры – необходимо обладать знанием ряда символических значений, чтобы расшифровать и истолковать найденный «обломок культурного универсума» – будь ли он картиной, памятником, или же нарративом. С нарративом, как с носителем смысла, одновременно и проще, и сложнее. (Отдельные дискуссии в последние десятилетия вызывает вопрос, а нельзя ли рассматривать все искусство в целом, живопись, архитектуру и т.д. как

нарратив; но – это не тема данного доклада). Личные свидетельства всегда интересовали историков: дневники, личные письма, различного рода нарративные документы дополняют материал, который открывают дошедшие из прошлого артефакты и официальные хроники, а зачастую приносят исследователям истории новое, неожиданное знание. Такого рода свидетельства оказываются чрезвычайно содержательными источниками информации и об особенностях исторической эпохи, и о личности автора, реального участника или наблюдателя исторического процесса. И в первую очередь ученые их понимают за счет знания символического уровня и контекста изучаемых объектов-нарративов, а также за счет понимания нарратива как символического выражения определенной культуры. И особое место здесь занимает нарратив автобиографический, поскольку он в еще большей степени феномен ценностно-когнитивный, неразрывно связанный не только с процессом мышления, но и с памятью. Так, современные исследователи полагают, что «конструирование автобиографического нарратива… может начинаться с первых вспышек осознания себя» [4; С. 72]. И здесь необходимо принять во внимание, что эти «вспышки», не что иное, как память, т.е. «запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта» [1; С. 371]. Однако, создавая автобиографический нарратив, человек так или иначе вкладывает в него не только «то, что было», но и «то, что я помню», а главное – «то, как я это понимаю». Память также приобретает символический окрас: «Символическая память – процесс, с помощью которого человек не просто повторяет свой прошлый опыт, но и перестраивает его. Воображение становится необходимым элементом подлинного воспоминания» [2; С. 501]. И воспоминание в данном случае превращается в нарратив. Символичность человеческой культуры позволяет ему принять любую форму – художественную, поэтическую, философскую, но так или иначе – именно символы будут ключом к пониманию. Автобиографический нарратив ценен возможностью развертывания: это путь самосознания и самопознания, самокритики и самопризнания одновременно, это понимание и переосмысление человеком собственного жизненного пути. А главное – это бесконечное поле для символического выражения: начиная от автобиографии «Поэзия и правда» Гёте, автопортретов Рембрандта, и заканчивая «Исповедью» Августина. Кассирер подчеркивает: «Каждая строка в книге Августина имеет не только историческое, но также скрытое символическое значение. Августин не мог представить свою жизнь и рассказать о ней без символического языка христианской веры. Так он стал одновременно и великим религиозным мыслителем, и основателем новой психологии, нового метода самонаблюдения и самоанализа» [2; С. 502].

Находясь одновременно в двух мирах (физическом и символическом), человек становится своеобразным проводником знаково-семиотической картины мира от собственного восприятия и понимания – к другому, к его восприятию и пониманию. Выражая свой опыт в автобиографическом нар-

ративе, сплетая вместе язык, искусство, поэзию, миф и философию, человек только усиливает символические формы окружающего мира, и самого себя в нем. Символ становится ключом к человеческой природе, к человеческой культуре. И рассмотрение феномена автобиографии через призму семиотики проливает дополнительный свет на ее когнитивную и ценностную специфику, т.е. – достоинство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко Т. П. Память // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб, прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.
2. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – 784 с.
3. Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / Под ред. Т. Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 599 с.
4. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии. «Культурно-историческая психология». 2005. № 2. С. 63–74.

TRANSLIT

1. Zinchenko T. P. Pamyat' // Bol'shoy psikhologicheskiy slovar' / Sost. i obshch. red. B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. SPb, praym-YEVROZNAK, 2003. 672 s.
2. Kassirer E. Izbrannoye. Opyt o cheloveke. – M.: Gardarika, 1998. – 784 s.
3. Kul'turno-istoricheskaya epistemologiya: problemy i perspektivy. K 70-letiyu Borisa Isayevicha Pruzhinina / Pod red. T. G. Shchedrinoy. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 599 s.
4. Sapogova E.E. Avtobiograficheskiy narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoy psikhologii. «Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya». 2005. № 2. S. 63–74.